

УДК [141.3+165.62]:21/29(5-191.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2026-26-2-88-94

**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ НЕКОНЦЕПТУАЛЬНОГО УЗНАВАНИЯ
В БУДДИЗМЕ МАХАЯНЫ И ТЕНГРИАНСТВЕ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Э.С. Лазаренко

Аннотация. Настоящая статья представляет собой феноменологическое исследование способов неконцептуального восприятия сакрального в контексте культурной встречи буддизма Махаяны и тенгрианской традиции Центральной Азии. В отличие от подходов, сосредоточенных на сравнительном анализе доктрин или терминологических соответствий, автор предлагает оригинальную методологию, основанную на синтезе западной феноменологии (Гуссерль, Мерло-Понти, Варела), буддийской эпистемологии (Мадхьямака, Йогачара, Праджняпарамита) и философских концепций современных центральноазиатских мыслителей (Аязбекова, Алымбаев, Абаев). Исследование акцентирует внимание на феноменах телесного и ритуального переживания, возникающих в пространстве между традициями – таких как тишина, тело, ритуал, звук, пустота и небо – и вводит авторское понятие «множественная духовность», обозначающее сосуществование различных модусов неконцептуального узнавания сакрального, не сводимых к единой доктрине, а проявляющихся через embodied-presence, внимание и сопричастность с миром. Шуньята в буддизме и Тенгри как беспредметная высота в тенгрианстве интерпретируются как параллельные формы открытости, сопротивляющиеся концептуальной фиксации. Форма статьи осознанно выбрана как феноменологическая практика: вместо линейной аргументации читателю предлагается структура, ритм и созерцательность, вовлекающие в исследуемое пространство. Феноменологический анализ сакральных элементов – пустотности, таковости, степного ритуала, внимания и молчания – раскрывает возможность эпистемологии узнавания, при которой знание является не представлением о мире, а формой сопричастности с ним. Статья не предлагает традиционного вывода, но приглашает к внимательной тишине как подлинному основанию философствования.

Ключевые слова: феноменология; неконцептуальное знание; множественная духовность; буддизм Махаяны; тенгрианство; пустота; ритуал; тело; татхата; Нагарджуна; Тенгри; Центральная Азия.

**МАХАЯНА БУДДИЗМИНДЕ ЖАНА ТЕҢИРЧИЛИКТЕ
КОНЦЕПЦИЯГА СЫЙБАГАН ТААНУУНУН ЭПИСТЕМОЛОГИЯСЫ:
ФЕНОМЕНОЛОГИЯЛЫК ТАЛДОО**

Э.С. Лазаренко

Аннотация. Бул макалада Махаяна буддизми менен Борбордук Азиянын теңирчилик салтынын маданий кесилишүү контекстиндеги ыйыктын (сакралдуулуктун) концептуалдык эмес кабыл алуу ыкмаларына феноменологиялык изилдөө жүргүзүлөт. Доктриналарды же терминологиялык окшоштуктарды салыштырмалуу талдоого багытталган ыкмалардан айырмаланып, автор батыш феноменологиясынын (Гуссерль, Мерло-Понти, Варела), буддисттик эпистемологиянын (Мадхьямака, Йогачара, Праджняпарамита) жана заманбап борбордук азиялык ойчулдардын (Аязбекова, Алымбаев, Абаев) философиялык концепцияларынын синтезине негизделген оригиналдуу методологияны сунуштайт. Изилдөө салттар аралык мейкиндикте пайда болгон денелик жана ритуалдык тажрыйба феномендерине – жымжырттык, дене, ритуал, үн, боштук жана асман сыяктуу түшүнүктөргө басым жасайт. Ошондой эле, автордук «көп кырдуу руханийлик» түшүнүгү киргизилет; бул түшүнүк ыйыктын бирдиктүү доктринага баш ийбеген, тескерисинче, денелик катышуу (embodied-presence), көңүл буруу жана дүйнө менен чогуу болуу аркылуу көрүнгөн концептуалдык эмес таануунун ар кандай модальдуулуктарынын катар жашоосун түшүндүрөт. Буддизмдеги Шуньята жана теңирчиликтен предмети жок бийиктик катары Тенгри (Теңир) түшүнүктөрү концептуалдык чектөөлөргө каршы турган ачыктыктын параллелдүү формалары катары чечмеленет. Макаланын формасы аң-сезимдүү түрдө феноменологиялык практика катары тандалып алынган: сызыктуу аргументациянын ордуна окурманга изилденип жаткан мейкиндикке аралашууга мүмкүндүк берүүчү түзүм, ритм жана байкоочулук сунушталат. Ыйык элементтердин – боштуктун, болмуштун (татхата), талаа ритуалынын, көңүл буруунун жана унчукпоонун феноменологиялык талдоосу «таануу эпистемологиясынын» мүмкүнчүлүгүн ачат. Мында билим – дүйнө жөнүндөгү элес эмес, ал дүйнө менен бирге болуунун формасы

болуп саналат. Макалa салттуу корутундуну сунуштабайт, тескерисинче, философиялоонун чыныгы негизи катары терең жымжырттыкка чакырат.

Түйүндүү сөздөр: феноменология; концепцияга сыйбаган билим; көп кырдуу руханийлик; Махаяна буддизми; теңирчилик; боштук; ырым-жырым; дене; татхата; Нагарджуна; Теңир; Борбордук Азия.

EPISTEMOLOGY OF NONCONCEPTUAL RECOGNITION IN MAHĀYĀNA BUDDHISM AND TENGRIANISM: A PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

E.S. Lazarenko

Abstract. This article presents a phenomenological investigation of nonconceptual modes of perceiving the sacred in the context of the cultural encounter between Mahāyāna Buddhism and the Tengrian tradition of Central Asia. Unlike approaches focused on comparative analysis of doctrines or terminological correspondences, the author proposes an original methodology based on a synthesis of Western phenomenology (Husserl, Merleau-Ponty, Varela), Buddhist epistemology (Mādhyamaka, Yogācāra, Prajñāpāramitā), and the philosophical concepts of contemporary Central Asian thinkers (Ayazbekova, Alymbaev, Abaev). The study emphasizes the phenomena of bodily and ritual experience emerging in the space between traditions – such as silence, the body, ritual, sound, emptiness, and sky – and introduces the authorial concept of “multiple spirituality”, denoting the coexistence of diverse modes of nonconceptual recognition of the sacred, which are not reducible to a single doctrine but manifest through embodied presence, attention, and co-presence with the world. Śūnyatā in Buddhism and Tengri as a non-objective height in Tengrianism are interpreted as parallel forms of openness that resist conceptual fixation. The article’s form is intentionally chosen as a phenomenological practice: rather than a linear argumentation, the reader is offered a structure, rhythm, and contemplative stance that engages them with the investigated space. The phenomenological analysis of sacred elements – emptiness, suchness, steppe ritual, attention, and silence – reveals the possibility of an epistemology of recognition, in which knowledge is not a representation of the world but a form of co-presence with it. In conclusion, the article does not offer a traditional summary but invites attentive silence as the authentic ground for philosophical reflection.

Keywords: phenomenology; nonconceptual knowledge; multiple spirituality; Mahāyāna Buddhism; Tengrianism; emptiness; ritual; body; tathatā; Nāgārjuna; Tengri; Central Asia.

Введение. Центральная Азия – перекрёсток культур, путей и мировоззрений. Здесь степной ветер несёт с собой отголоски тенгрианского неба и пустоты буддийской дхармы. Вместо анализа сопоставления понятий, данная статья предлагает исследовать возможность «встречи» традиций на уровне феноменального переживания и сосуществования различных форм духовного опыта, обозначаемых авторским понятием «множественная духовность». Этот концепт отражает сосуществование различных модусов неконцептуального узнавания сакрального, которые не сводимы к единой доктрине, а проявляются через embodied-присутствие, внимание и соприсутствие с миром. Мы сосредоточим внимание на тех формах сакрального, которые проявляются не как объекты дискурсивного знания, а как элементы embodied-присутствия: тишина, внимание, пространство, ритуал, дыхание, звук.

Цель: исследовать феномен неконцептуального восприятия сакрального, возникающего в контексте культурной встречи буддизма Махаяны и тенгрианства, с опорой на феноменологический подход и через призму множественной духовности.

Задачи: обосновать использование феноменологии как метода исследования неконцептуальных форм знания; определить ключевые неконцептуальные элементы сакрального в обеих традициях; показать их перекрёстную резонансность вне понятийной логики; раскрыть потенциал множественной духовности как концептуальной рамки; предложить форму философского письма, соответствующую самому опыту неконцептуального узнавания.

Методология. Настоящее исследование опирается на три пересекающихся направления:

1. *Западная феноменология* (Гуссерль, Мерло-Понти, Варела), в рамках

которой телесность, редукция и внимание к пред-рефлексивному опыту служат основой описания.

2. *Буддийская эпистемология* (Мадхьямака, Йогачара, Праджняпарамита), в особенности идея шуньяты, татхаты и неконцептуального распознавания (праджня). Данный подход находит продолжение в анализе эпистемологической значимости Махаяны в рамках тибетской традиции Сиддханта [1, с. 147], где теоретическая рефлексия системного знания рассматривается как инструмент постижения неконцептуальных истин.

3. *Философская мысль Центральной Азии* (Аязбекова, Алымбаев, Абаев), раскрывающая сакральное как эпическое узнавание через ритм, дыхание и ритуал.

Выбор формы изложения – не стилистическая воля, а продолжение исследовательского подхода. Поскольку предметом анализа является неконцептуальное восприятие сакрального, сама структура текста стремится воплотить его черты: отказ от линейной аргументации, включённость читателя в ритм, созерцательную паузу, переход от описания к соприсутствию. Такая стратегия соответствует как феноменологической редукции Гуссерля [2, с. 23], где важна «возвратность к вещам», так и буддийскому опыту шуньяты и татхаты, где знание возникает не в логическом выводе, а в распознавании. Форма письма, таким образом, становится методологическим продолжением содержания: статью нужно не только читать, но и переживать.

Феноменология как дисциплина внимания. В рамках феноменологии знание возникает не как результат концептуальной обработки, а как форма непосредственного контакта с явлением. Э. Гуссерль в своем последнем труде «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» утверждает, что к подлинному опыту возможно приблизиться лишь через феноменологическую редукцию – временное «заклучение в скобки» всех интерпретаций и теорий, чтобы позволить явлению проявиться в своей собственной таковости (Sache selbst) [2, с. 249–250]. М. Мерло-Понти развивает эту линию в контексте телесности, подчёркивая, что тело – это не объект, а самопереживающий субъект, способный к узнаванию мира в его

движении: «тело – это я в движении мира» [3, с. 198–210]. Он настаивает на первичности пред-рефлексивного опыта, в котором смысл ещё не отделён от чувствующего. Ф. Варела, в сотрудничестве с Э. Томпсоном и Э. Рош, вводит понятие «воплощённого ума» (embodied mind), где внимание, телесность и присутствие становятся не просто условиями, но средствами познания [4, с. 49–52; с. 248–255]. Такой подход сближает феноменологию с буддийскими и тенгрианскими практиками, где внимание и телесность играют ключевую роль в распознавании сакрального. Таким образом, феноменология как дисциплина внимания становится эпистемологическим основанием настоящего исследования.

Буддийская эпистемология: знание без опоры. Буддийская философия Махаяны предлагает эпистемологическую рамку, радикально отличающуюся от западной модели репрезентативного знания. В текстах школы Мадхьямика, особенно у Нагарджуны, подчёркивается невозможность концептуального фиксирования истины. В знаменитом высказывании из «Муламадхьямика-карики» утверждается: «Тот, кто не придерживается никаких воззрений, – я называю его Буддой» (ММК XIII.8) [5, с. 25–32]. Здесь любое воззрение рассматривается как условное, подлежащее «пустотности» (śūnyatā) – не как отсутствие, а как открытость. Школа Йогачара, представленная Васубандху и Асангой, фокусируется на распознавании проекционной природы сознания. Центральное значение приобретает категория татхата – таковости, которая переживается напрямую, без концептуальных посредников. Мудрость (праджня) в этом контексте – не знание о мире, а форма узнавания, возникающая в процессе очищения сознания от схватываний. В этом проявляется параллель с феноменологической редукцией: отказ от наслоений ведёт к раскрытию явления как такового.

Таким образом, буддийская эпистемология дополняет феноменологический подход и формирует важную часть методологии исследования.

Центральноазиатская мысль: сакральное как ритм и дыхание. Третьим направлением методологического синтеза выступает

современная философская мысль Центральной Азии, в которой сакральное трактуется как событие узнавания, а не объект анализа. А.М. Алымбаев интерпретирует тенгрианство не как концептуальную систему, а как эпическое отношение к миру, выражающееся в ритме дыхания, движения и тишины [6]. С.Ш. Аязбекова в исследованиях тенгрианского культа «обо» подчёркивает значимость подношения, родственного буддийским ритуальным практикам [7, с. 87]. Н.В. Абаев, анализируя шаманские ритуалы, предлагает понимать их как формы неконцептуального знания, реализуемого через тело, звук и вертикальную направленность внимания – от земли к небу [8, с. 105–118]. Эти работы формируют важный эпистемологический контекст исследования, позволяя включить в феноменологический анализ не только европейские и буддийские подходы, но и местные философские формы опыта.

Эпистемология семени: восприятие как проращение. Дополнительную эпистемологическую опору даёт модель «семени», сформулированная в *Сутре Алмазного Ограничника* (Vajracchedikā Prajñāpāramitā) и развитая в современных буддийских образовательных программах цифрового архива Asian Legacy Library (ALL) [9], основанные Геше Майклом Роучем. Согласно этой модели, восприятие не возникает извне, а представляет собой проращение семени (bīja), посеянного в потоке сознания через предшествующие действия, намерения и акты внимания.

Здесь знание не репрезентирует объект, а раскрывает то, что уже было заложено – как отпечаток, зримо проявляющийся в моменте узнавания. Это узнавание не ментально-абстрактное, а телесное и этически обусловленное: любое восприятие становится возвращением к самому себе – через пространство, жест, взгляд, звук.

Эпистемология семени органично сочетается с феноменологией embodied-присутствия, подчёркивая, что знание не привносится, а раскрывается – в контексте бытийной сопричастности. Это также сближает философскую работу с ритуальной и созерцательной практикой, где внимание – не техника, а акт посадки будущего восприятия.

Таким образом, данная рамка укрепляет методологический синтез исследования, объединяя кармическую динамику, embodied-опыт и неконцептуальные формы узнавания сакрального.

Результаты

Пространство: пустота и небо. В буддизме Махаяны пустота (*śūnyatā*) – это не небытие, а открытая природа явлений, свободных от самобытия [10]. В *Праджняпарамита-сутре* подчёркивается отсутствие самобытия у феноменов, а знание о пустоте само по себе пустотно. В тенгрианстве Тенгри – не бог, а беспредельное небо, не поддающееся описанию, но узнаваемое как бытийная открытость. Обе традиции отказываются от фиксации сакрального в понятиях и предлагают форму узнавания без схватывания.

Я сижу не в комнате, а в пространстве.

Комната уходит.

Осталось только присутствие.

Где-то в степи шаман поднимает взгляд.

Он не молится. Он смотрит.

Там, куда он смотрит, – ничего.

Но именно это ничего дышит¹.

Тело: субъект узнавания. В феноменологии Мерло-Понти тело не является объектом познания – это сам субъект узнавания. Подобно этому, в шаманском и буддийском ритуалах телесность не только инструмент, но и место проявления сакрального. Через тело раскрывается соприличие: дыхание, внимание, жест становятся элементами эпистемологии. У Васубандху телесность входит в поток перцепции как одно из проявлений сознания [11, с. 45–78].

Ритуал: embodied-переживание. Ритуальные практики как в буддизме (подношения, простираяния), так и в тенгрианстве (культ *обо*, шаманское восхождение), организуют пространство embodied-знания. Ритуал – это не повторение символа, а форма неконцептуального участия. У Лонгченпы embodied-присутствие связано с узнающим осознанием (*rigpa*), свободным от концептуальных форм [12].

¹ Авторский фрагмент, иллюстрирующий феноменологический опыт.

Таблица 1 – Философский синтез

Буддизм Махаяны	Тенгрианство	Общее переживание
Пустота (шуньята) как отсутствие самобытия, но не небытие	Тенгри как безначальное, бес-предметное небо	Пространство как проявление самой открытости
«Форма – это пустота, пустота – это форма» (<i>Сутра Сердца</i>)	«Небо не говорит, но всё дышит им» (эпос «Манас»)	Отказ от онтологических категорий в пользу соприсутствия
Осознание без опоры	Внимание без ожидания	Узнавание без схватывания

Тишина: эпистемология паузы. Тишина в обеих традициях – это не отсутствие звука, а поле внимательности. В буддийской практике молчание позволяет распознать пустотность [11, с. 112–115], а в тенгрианской – слушание ветра и неба становится способом узнавания. Это тишина узнавания, а не незнания.

Звук и ветер: узнавание в движении. Анализ эпистемологии узнавания в махаянской буддийской и тенгрианской традициях показывает, что сакральное предстает не как фиксированная сущность, а как феномен, раскрывающийся во встрече, в «пустом» присутствии. В этом контексте продуктивным оказывается обращение к концепции слушания у Ж.-Л. Нанси, согласно которой слышание есть не восприятие внешнего сигнала, а участие в звучании бытия. Как отмечает Нанси, «слышать – значит быть собой в звуке, быть в звуке себя» [13, с. 26–28]. Такое понимание открывает возможность трактовать переживание пустоты в буддизме и «открытого неба» в тенгрианстве как модальности онтологического со-резонанса, а не познавательного постижения. Узнавание здесь не сводится к логическому опознанию, но реализуется как интуитивное встраивание в звучание, как онто-эпистемологическая вибрация.

Звук (мантра, бубен, голос) и ветер (как образ движения и дыхания) – ключевые элементы сакральной феноменологии. Ветер у шамана и звук в буддийской мантре не являются объектами, а средствами соприсутствия. Они вписывают тело в ритм мира (таблица 1).

*Пустота – это то, где не нужно быть кем-то.
Небо – это то, в чём всё может быть.
Между ними – не сравнение, а дыхание.*

*Философия начинается там, где
исчезает предмет.
Отказ от схватывания: разрушение
формы, открытие поля.
Я тянусь к смыслу – и он рассыпается.
Я отпускаю – и вдруг в этой паузе
что-то возникает.*

*Я не называю.
Я узнаю¹.*

Буддийская Мадхьямика и степная метафизика тенгрианства едины в своём отказе от фиксации сакрального. Для Нагарджуны, любое воззрение, в том числе и само буддийское учение, – это «плот, чтобы пересечь реку» [5, с. 191]. Его нельзя держаться вечно. Истина не в конструкции, а в пустоте всех конструкций.

Таким образом, и Махаяна, и тенгрианство отказываются от онтологического «предмета сакрального». Они выводят мышление за пределы имени и формы, откуда может возникнуть узор без дизайна – само событие узнавания (таблица 2).

*Там, где нет формы, возникает свет.
Там, где не ищут смысла, – вспыхивает
истина.
Мудрость – это не знать, а быть рядом.
Тенгри – не тот, кто говорит.
И Будда – не тот, кто объясняет.
Они оба стоят в ветре.
И ветер говорит без языка².*

¹ Авторский поэтический фрагмент, иллюстрирующий эпистемологию узнавания в пространстве между пустотой и небом.

² Авторский поэтический фрагмент, иллюстрирующий философию неконцептуального узнавания.

Таблица 2 – Краткий сравнительный срез

Буддизм Мадхьямика	Тенгрианство	Общая структура
Нет «правильного» воззрения – все условны	Невозможно описать Тенгри как фигуру	Сакральное как не-объект
Шуньята как разрушение концепта	Тенгри как «не-форма»	Открытость без определения
Мудрость – не знание о, а свобода от	Отсутствие догматики, эпическая пластичность	Узнавание без теоретизации

Дискуссия

Эпистемология узнавания: сравнительный ракурс. В контексте буддийской эпистемологии подходы Геше Майкла Роуча – в частности, модель семени восприятия и практика кофе-медитации – могут быть интерпретированы как феноменологические структуры, раскрывающие неконцептуальное знание через телесное, ритуальное и ритмическое переживание. Это позволяет рассматривать сакральное не как объект, а как модус узнавания, возникающий в пространстве между традициями.

Таким образом, буддийская традиция (в лице шуньяты, татхаты и праджни) формирует представление о знании как об отсутствии опоры и фиксированной концептуализации. Феноменология, особенно в интерпретации Мерло-Понти и Гуссерля, предлагает аналогичную установку – редукция и возвращение к предрефлексивному опыту как способ узнавания сущего в его таковости. Тенгрианство, в свою очередь, не выстраивает систему понятий, а актуализирует сакральное через embodied-внимание к ритму, звуку и дыханию.

Все три подхода сходятся в понимании знания как формы соприсутствия, не сводимого к репрезентации. Это позволяет говорить о возможности феноменологической эпистемологии узнавания, в которой сакральное не представляется, а открывается.

Представленные результаты демонстрируют, что несмотря на различие культурных контекстов, буддизм Махаяны и тенгрианство предлагают родственные формы неконцептуального узнавания сакрального. Отказ от онтологической фиксации, внимание к телесному и ритуальному, акцент на тишине и ритме – все эти элементы объединяет эпистемологическая структура

соприсутствия. Узнавание здесь не есть акт интерпретации, а форма становления в мире: быть не в знании, а в непосредственном отклике.

Такой подход требует не только иного способа мышления, но и иного способа письма. Именно поэтому статья не следует традиционной научной линейности, а использует ритм, повтор, телесные метафоры и фрагменты опыта. Это не просто стиль, а метод, соответствующий самому предмету исследования. Таким образом, работа выступает и как описание, и как перформативное действие философствования.

Заключение: присутствие как знание

Нет «итога», как нет и края степи.

Есть взгляд, открытый в небо.

Есть дыхание, в котором не нуждаешься в понятии.

Есть рука, опускающаяся в тишину – не за ответом, а за узнающим покоем¹.

Статья не подводит итоги в традиционном смысле. Вместо вывода – жест: внимательное присутствие как подлинная основа философствования. Путь, пройденный между Махаяной и тенгрианской космологией, не стремится к синтезу или сравнительному обзору. Он открыт как пространство узнавания – между формой и пустотой, между телом и ритуалом, между вниманием и дыханием. В этой точке возникает философия как эпистемология неконцептуального: не через описание, а через сопричастие.

В завершении исследования авторское понятие «множественная духовность» служит эпистемологической моделью, позволяющей описывать неконцептуальное узнавание

¹ Авторский поэтический фрагмент, завершающий феноменологическое размышление.

сакрального в условиях социокультурной полицентричности Центральной Азии. Оно демонстрирует, что сакральное не редуцируется к единой доктрине или концептуальной схеме, а проявляется через *множественные способы присутствия*, соприсутствия и внимания к телу, ритуалу и пространству. Применение этой категории открывает возможность феноменологической интерпретации сакрального как полифоничного, живого и открытого опыта, в котором знание возникает не через концептуализацию, а через непосредственное соприсутствие и внимательность к миру.

Поступила: 16.01.2026;

рецензирована: 30.01.2026; принята: 02.02.2026.

Литература

1. Лазаренко Э.С. Тибетская традиция сиддханта как модель философского компаративизма / Э.С. Лазаренко // Вестник Калмыцкого университета. 2025. № 4 (68). DOI: 10.53315/1995-0713-2025-68-4-145-152.
2. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль; пер. с нем. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. 448 с.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти; пер. с фр. СПб.: Наука, 1999. 608 с.
4. Варела Ф. Воплощённый ум: когнитивная наука и человеческий опыт / Ф. Варела, Э. Томпсон, Э. Рош; пер. с англ. М.: Класс, 2020. 432 с.
5. Нагарджуна А. Муламадхьямака-карика / А. Нагарджуна; пер. и ком. А. Терентьева. М.: Восточная литература, 2012. 192 с.
6. Алымбаев А.М. Мифопоэтическая природа мировоззрения древних кыргызов: эволюция философии Тенгри: автореф. дис. ... канд. филос. наук / А.М. Алымбаев. Бишкек, 2024. 28 с.
7. Аязбекова С.Ш. Великая степь: тенгрианская цивилизация и буддизм / С.Ш. Аязбекова // Respublica Literaria. 2023. Т. 4. № 1. DOI: 10.47850/RL.2023.4.1.87–102.
8. Абаев Н.В. Синкретизм тенгрианства и буддизма в кочевнической цивилизации Внутренней Азии / Н.В. Абаев // Вестник Бурятского государственного университета. 2016. № 2.
9. Asian Legacy Library (web). URL: <https://asianlegacylibrary.org/> (дата обращения: 17.01.2026).
10. Сутра «Праджня-парамита восьмитысячная» / пред., пер., ком. и глоссарий А.М. Донца; отв. ред. С.П. Нестеркин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2017. 400 с.
11. Васубандху «Тримшика» («Тридцатистишие») / пер. В.К. Шохина // Буддийская философия сознания. М.: Восточная литература, 2015.
12. Лонгчен Р. Драгоценная Сокровищница дхармадхату / Рабджам Лонгчен; пер. с тиб. В. Майкова. СПб.: Нартанг, 2010. 288 с.
13. Нанси Ж.-Л. Corpus Слушание / Жан-Люк Нанси; пер. с фр. Е. Петровской. М.: Ad Marginem Trans., 2015. 112 с.